

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

С. А. Смирнов

Антропология номадизма (Антропологические тренды и северный культурный код)

УДК 130.2

Автор рассматривает основные тренды современной культуры. Антропологические изменения приводят к формированию новых типов человека. Особый интерес приобретает человек северного типа или номадический человек. Сохраняя черты кочевника, номадический человек обретает новый социокультурный код.

Ключевые слова: антропологический тип, тренд, номадический человек.

S. A. Smirnov. Anthropology of nomadism (Anthropological trends and northern cultural code)

The author examines the main trends of modern culture. Anthropological changes lead to the formation of new types of rights. Particular interest attaches to the person of the northern type or nomadic people. Retaining character nomad, nomadic man finds a new socio-cultural code.

Key words: anthropological type, trend, nomadic people.

1. Ситуация человека

Экспертное сообщество в разных вариациях фиксирует проблемную ситуацию, которая складывается вокруг главного субъекта изменений в мире – самого человека, его собственной идентичности. Проблемность ситуации заключается в следующем.

Базовые привычные представления о человеке уходят в прошлое. Человек испытывает радикальные изменения, касаемые как его соци-

альных форм идентичности, так и физической, телесной, гендерной форм. Привычный образ человека скоро придется записывать в Красную книгу и создавать Музей Человека.

Антропологические тренды радикальных изменений человека убыстряются не сами по себе, а при активном участии самого человека. Наблюдаются все более учащающиеся практики трансгрессии, трансформации, трансфигурации человека, суицидальные пограничные практики экспериментирования над собой, агрессивные практики, связанные с уничтожением среды. В общем и целом, тренд на самоуход человека и самоликвидацию привычных институтов существования, которые крепят человека (семьи, брака, морали, права, образования, культуры, базовых ценностей и др.), становится все более ярко выраженным.

В целом этот класс трендов можно назвать классом транстрендов, направленных на уход человека с исторической сцены и замену его другим существом (киборгом, мутантом, транс- или постчеловеком)¹.

Проблемность усугубляется тем, что мировое экспертное сообщество пока не выработало согласованного видения того, что с этими изменениями можно и нужно делать, как их можно адекватно описать и какие рядом предложить новые образы и представления о человеке. Эксперты не имеют ни ясных новых представлений о человеке, ни тем более согласованного видения. Само экспертное сообщество испытывает двойной дефицит – дефицит нового антропологического дискурса, адекватного ситуации, – он не выстроен, и дефицит институционального единства – оно просто отсутствует.

1.1. Жизненный аутсорсинг и сидячая мобильность

В чем проявляется тренд ухода человека? Начинается все с безобидных вещей.

Например, появляются новые профессии и виды занятости. Такие, например, как event-менеджер, блогер, лайф-коуч, выгульщик собак, муж на час, подружка невесты. Но что это означает? За этим стоят новые привычки, новый образ жизни, новые индустрии и проч. Тем самым меняется социальная среда.

¹ См. подр. об антропологических трендах – результаты нашего форсайт-проекта [8].

Мы все больше вещей, услуг, работ передаем другим за плату. Мы не только заказываем пиццу на дом. Мы заказываем приготовление ужинов, стирку белья, выгул животных, воспитание детей, ремонт квартиры, ремонт машины и проч. Мы высвобождаем себя все более от внешних работ и забот, освобождаем себя от обязанностей, от домашних дел по самообслуживанию. Мы освобождаем себя все более от заботы вообще, чтобы самим высвободиться под... Под что? Для чего? Мы высвобождаем себя от этих забот в пользу чего? Ночной жизни? Клубов, ресторанов? Водки, бани, игровых клубов? Или в пользу библиотеки, книги, работы?

Что в результате происходит? В результате высвобождения от работ и забот мы постепенно утрачиваем свои базовые навыки, способности. Считать мы давно сами не считаем. Передоверяем калькулятору, компьютеру, мобильнику. Также уже сами не пишем, а набираем текст на клавиатуре. Мы не выводим на чистом листе бумаги буквы, как делали это на глиняных дощечках древние греки. Нам это буквально физически все труднее делать. И тем самым не рисуем форму мысли. В итоге сами не мыслим. Чистый лист бумаги и ручка уходят в прошлое. Чтобы что-то написать, приходится себя заставлять. Моторика письма, ключевая практика и органика, становится уходящей натурой.

Мы утрачиваем простые, но радикально важные способности – в итоге у нас не формируются важные человеческие навыки. Например, мы утрачиваем навыки устного счета и письма. А многие люди не умеют сами гладить, стирать, делать элементарные работы по дому.

Мы не помним номера телефонов, не пишем их в записные книжки, не записываем их на листочках, не прикрепляем их над телефоном дома. Доверяем эту память мобильникам. Это тот же аутсорсинг. Номера телефонов близких людей почти не помним, поскольку все они в памяти мобила или ноутбука.

Жизненный аутсорсинг становится массовым. Мы не только доверяем машине быстро и много запоминать, быстро считать, проделывать операции. Мы доверяем машине жить за нас. Мы отдаем машине самих себя, поскольку, переставая делать простые вещи сами, переставая писать и считать, запоминать, мы перестаем быть самими собой.

Осуществляя жизненный аутсорсинг, отдавая простые, но базовые заботы о себе, мы, замещая их удовольствиями, теряем собствен-

ное авторство, собственную точку зрения, собственное мнение, чтобы делать выбор, чтобы высказываться. Доверяем разным брендам, рекламам, пиарам. Не можем окончательно решить, хороши или плохи эти ботинки или этот пиджак. Мы перестаем доверять самим себе.

Все более частым явлением становится работа в мобильных офисах. Даже голубые воротнички исчезли. Класс, идущий на завод, давно исчез. Остается офисный планктон, переплывающий из одного места в другое, живущий непонятно где, не прикрепленный к месту. Даже офисы свои компании уже не заводят как постоянные места работы. Можно работать в любом месте, имея мобильник и ноутбук и возможность подключения к сети.

Можно жить в деревне, иметь связь с работодателем через интернет, выполняя работы через интернет. Жить и работать, находясь физически в деревне, а вся работа уходит в виртуал. Стирается грань между городом и деревней. Формируется этакая виртуальная мировая деревня.

Наши фразы, высказывания становятся все короче. Мы становимся похожими на Эллочку-людоедку. Короткое чтение и короткие тексты. Текст эсэмэсок, электронных писем. Читать некогда. Снижается навык работы со сложной информацией и сложными, длинными текстами. Кстати, само слово «эсэмэска» – удивительное явление. Лингвисты отмечают этот новый феномен в языке – образование слова из аббревиатуры, состоящей из английских букв, да еще с чисто русским ласковым окончанием «-ка».

Появилась снэк-культура. Мы едим быстро, мобильно, еда в упаковках. На ходу едим, пьем, решаем вопросы, общаемся, занимаемся сексом, между делом рожаем и воспитываем детей. Да и рожать перестаем. Заводим пары без семьи. Бой-френды и подруги. Безопасный секс.

Фастфуды бурно растут. Суррогаты национальных кухонь растут как грибы. Заказываем еду на дом. Растет число кулинарных шоу на ТВ. Опять готовка быстро, по рецепту, по рекламе (на шоу сплошная реклама тех или иных фирм и продуктов).

Значит, человек испытывает не просто желание иметь. А иметь быстро, легко, не затрачивая усилий. Без заботы. Чтобы быстро, удобно. Прямой агрессивный хитрый, адресный маркетинг.

Делаем одновременно несколько дел. Едем в машине, слушаем радио, едим и даже занимаемся сексом. Дотошные американцы про-

вели исследование – кто чем занимается во время вождения машины. Выяснилось, что за рулем люди бреются, едят, делают себе «мэйк-ап», занимаются сексом, переодеваются, читают. И это все за рулем.

Продолжается бурный рост социальных сетей. Все срочно кинулись общаться «В контакте». Или в «Одноклассниках». Или в Facebook. Самое действенное воздействие – через социальную сеть. Знакомства, встречи, что-то надо объявить, узнать. Учитывая это, компании «заряжают» рекламу в Интернете, в социальных сетях.

Например, вузы все больше дают рекламу в социальных сетях. Поскольку молодые не читают газет, не слушают радио, даже не смотрят ТВ. Оно для молодых – уже вчерашний день.

Дети не играют во дворе в казаки-разбойники. Мало общаются на переменах в школе. Больше общаются в интернете, играют в стрелялки. Быстро отучаются от игры в песочнице. Наблюдается такое явление: школьники отсиживают весь день в школе, на переменах почти не общаются. После уроков приходят домой и срочно начинают общаться друг с другом же – но в виртуальных сетях.

Увеличение социальных сетей ведет, с одной стороны, к увеличению поверхностных контактов, сиюминутных связей, быстрых встреч. Их нельзя назвать и встречами-расставаниями. Мы не встречаемся и не расстаемся, а просто контактируем. Как молекулы.

Но, с другой стороны, при такой массовизации растет корпускуляризация, атомизация жизни. Не усиление личностных начал, а усиление индивидуальности, отдельности, изолированности. Виртуальные сети позволяют мне прятаться за никами, за псевдонимами. За обилием масок. Я могу как бы присутствовать в сети, но анонимно, как тень, мелькая и меняя свои ники, постоянно ускользая.

Итак, формируется этакий Homo mobilis, т. е. человек сидячий, но с мобильником, ноутбуком, живущий в сети, отдающий все больше забот о себе другим – техническим устройствам, наемникам, сервисам.

1.2. Новые антропологические и социокультурные гибриды

Формируются новые гибридные формы уклада жизни людей, особенно они становятся причудливыми в сельской местности, среди северных кочевых народностей.

Например, кочевник-бедуин, едущий на верблюде с мобильником и выходом в Интернет и спутниковой связью. Или наш пастух-

оленовод, с рацией и мобильником, с нартами, запряженными в снегоход. Или пастух-овцевод в Австралии, с помощью спутниковой связи следящий за отарами овец.

Не надо далеко ходить. Возьмем нашу деревню. Достаточно выехать из города. С одной стороны, у скотника привычное домашнее хозяйство дома, в котором надо орудовать вилами и вывозить навоз, а с другой – автоматизированное поточное доение на ферме, в котором замер молока, его жирности производится по компьютеру. Или доярка. Она приходит домой после этой технологии – и управляет дома со скотом по старинке. А сын дома сидит, играет в компьютерные игры. И может даже участвовать на расстоянии в чемпионате по киберспорту¹.

С одной стороны, у нас сохранились простые привычки, связанные с сугубо патриархальным образом жизни, обитанием на селе, с другой – человек из села садится в машину и едет в город. Через час он там.

У сельской интеллигенции еще более кричащие контрасты. Сельский специалист, получив образование в городе, живет и работает в деревне (зачастую он живет, ночует в городе, а работает на селе). С одной стороны, он занят аграрным трудом, с другой – на выходные едет в город в кино или театр, или в супермаркет.

1.3. Антропологическая альтернатива

В этой ситуации различные экспертные группы ставят перед собой вопрос: разрушителен ли этот процесс аутсорсинга и гибридизации и до какой степени? Где граница, предел этих радикальных изменений? До какой степени человек будет все свои идентичности отда-

¹ Это явление тоже скоро станет трендом. В разных странах мира есть свои федерации по компьютерному спорту. В России такая федерация существует уже 11 лет. Постоянно проводятся чемпионаты мира. В них участвуют очень молодые ребята. В киберспорте средний возраст киберспортсменов ведущих команд – девятнадцать лет. Проводятся разные игры, индивидуальные и игры нового поколения, командные, соревноваться одному менее интересно, чем команде. Это игра молодых, средний возраст игроков 19 лет. Хотя начинают играть фактически с 14 лет, а есть ребята, которым по 25–26 лет. Но, к сожалению, эта игрушка требует хорошей реакции, а организм, начиная с 24 лет, стареет, и скорость реакции заметно падает. Это сугубо уже антропологический признак: возраст, реакция, внимание. В 24 года ты старый: сайт. URL. <http://www.infox.ru/hi-tech/games/2011/06/14/cybersport.phtml>

вать на сторону? И если этот аутсорсинг беспределен и человек все более трансформируется радикально и онтологически, то это что – это естественный процесс мутации человечества и его исчезновение является нормальным, как является нормальным естественный процесс смены биологических видов или...? Влекут ли изменения человека, коль скоро они неизбежны, за собой уничтожение человеком самого себя и среды, в котором обитает, или эти изменения можно повернуть в позитивное, конструктивное, созидательное русло?

Или необходимо все же выработать некую антропологическую альтернативу этому уходу? Альтернативу, которая противостоит уходу и предполагает следующее:

- альтернатива задает иной противоположный тренд изменения человека – изменения, направленного не на самоуничтожение, а на преобразование человека;

- альтернатива предполагает формирование нового образа будущего человека, который (образ) рукотворен и создается им самим;

- альтернатива предполагает новую антропологию, новое понимание человека взамен уходящим конструктам и концептам прошлых эпох, которые (концепты) и привели к суицидальному состоянию современного человека;

- альтернатива предполагает производство и возделывание и тиражирование новых антропопрактик, с помощью которых и через которые и производится этот преобразующийся человек; эти антропопрактики должны быть массовидным явлением и задавать большой тренд, способный противостоять тренду ухода.

Проблема в том, что тренд ухода запускается не от того, что внедряется новое техническое изобретение. Человека вытесняет не мобильник и Интернет. Не сам по себе Интернет виртуализирует наше общение. Не сам по себе компьютер виноват в том, что мы уходим в виртуал и теряем социальную реальность. Человек сам себя вычеркивает из списка жизни.

Проблема рождается там и тогда, когда человек, уже задолго до встречи с новым изобретением, сам давно не осуществляет работу/заботу над собой, над отношением к себе и среде обитания. Получив мобильник, человек хочет быстро и сразу получить все блага жизни, не затрачивая усилий над созданием этих благ.

Проблема именно в том, что не меняется, точнее, не выстраивается схема заботы о себе и собственной среде обитания, а сохраняется

простая схема потребления (протянуть руку и взять, не затрачивая усилий)¹.

Мобильники и ноутбуки, Интернет надо превращать из средства, порабощающего в средство освобождающее.

Но это возможно лишь при смене нашей идентичности. При культурном росте. Эмпирический индивид, привыкший потреблять, не умеет использовать Интернет во имя собственного освобождения, поскольку культурных орудий у него для этого нет.

Феномен киборга родился не вчера. Он рожден по той же схеме – прикрепления к телу человека искусственного изделия. Так делалось всегда, когда инвалиду отрубленный орган заменяли костылем или протезом. Отсутствие органического органа заменялось искусственным инструментом. Но при усилении натуральных способностей с помощью электронных протезов мы получаем киборгов, которые превращаются в киллеров. Мало усиливать натуральное зрение с помощью электронного протеза. Нужно формировать духовное зрение. Что ты будешь делать с этим объемным зрением, дорогой киборг?

Или наоборот. Чтобы усилить естественные способности (глаза, руки), человек изобретал искусственное орудие, продлевающее его руку или глаз, усиливал себя искусственным глазом или рукой. Тогда появляются микроскопы и проч.

Кончилось дело окончательным слиянием человека и компьютера и сформировался интерфейс человек-машина.

Но родился феномен киборга именно из естественной потребности усилить свое тело, из феномена органопроекции, о которой мы уже писали выше.

Необходимо обсуждать и формировать *новую антропологическую альтернативу*. При увеличении виртуализации жизни, при смене привычных форм идентичности человека (смена гендера, достижения генной инженерии – только первые цветочки) необходимо выстраивать и внедрять такие способы обитания, которые выстроены по схеме заботы человека о самом себе, о среде обитания. Эта проблема актуальна при любых технологиях и при любых режимах власти.

Поэтому более кардинальной и актуальной становится проблема управления антропологическими трендами.

¹ См. подр. о концепте заботы, традиции, идущей от древнегреческой пайдеи и эпимелейи, в сборнике материалов и нашей статье, посвященной в связи с этим проекту практик себя М. Фуко: [9]; [7].

Мы понимаем управление трендами именно в категориях собственно управления, под которым имеем в виду целый ряд деятельностей.

Это *диагностика трендов, их мониторинг, аналитика* и главное – *инициация антропологической альтернативы*, выработка в новых условиях таких практик, которые бы предъявляли человеку иное видение и понимание, иной способ собственно антропологического самоопределения, возвращающего человека к самому себе.

Иначе говоря, управлять трендами можно прежде всего через запуск новых трендов, противоположных тем, которые убивают человека и ставят его на грань исчезновения. Это делать возможно лишь сугубо практически. И здесь заканчивается собственно научно-исследовательский дискурс и начинается дискурс сугубо антропологический и проектный, ставящий, формулирующий новый антропологический тип.

В этой связи мы полагаем, что антропологическая альтернатива должна быть сформирована не из достижений технической цивилизации, не из стремления сканировать мозг или разгадать тайны генома человека. Новый антропотип лежит рядом, по горизонтали, только севернее тех широт, к которым мы обычно привыкли – в укладе северных народов.

Антропологическую альтернативу надо формировать антропологическими же средствами. К сожалению, внутри западной технической цивилизации она не проглядывается, поскольку ее прототипы представлены лишь эпизодически, как островки новых (старых) антропопрактик преобразования человека (типа духовных упражнений Игнатия Лойолы) или педагогики развития в советской российской школе.

Антропологическая альтернатива, точнее, ее прототипы, основания для образа будущего, видимо, спрятана далеко, в стороне от западной и тяготеющей к югу цивилизации. Спрятана там, где непривычно ее видеть, там, куда умозрение западных интеллектуалов не обращено.

2. Северный чулан

Посмотрим вокруг себя и поглубже в историю. С чем связано становление типа Homo mobilis и возможны ли иные антропотипы?

Какие примеры показывают нам иные цивилизации, расположенные на Севере Евразии?

Исторически так получилось, что при формировании доминирующих цивилизаций сформировался крен в сторону Западных, Южных и Восточных цивилизационных и антропологических типов. Северные типы оказывались всякий раз на периферии, на задворках. Север всегда оставался окраиной для западных и южных сообществ и способов обитания. Понятно, что это было связано со стереотипом, что все силы придется тратить на выживание, на борьбу с холодом, мерзлотой, пространством, дикой (обязательно чужой) природой, степью, тундрой, тайгой и проч.

Человек западной технической цивилизации исторически все более выбирал места, где теплее. Он выбирал комфорт, уют, более мягкую адаптацию, доступность ресурсов.

Ориентация на Запад и Юг формирует вполне определенный антропологический тип: южный, теплый, мягкий, потребительский, комфортный, оседлый. Север формирует иной тип: жесткий, холодный, дискомфортный, кочевой. То есть номадический.

Если взять Россию, то она – северная страна. Это известно. Но все время исторически российская элита выбирала ориентацию на Запад, на Юг или на Восток, борясь за жизненное пространство. Образцы она брала на Западе. А за пространство воевала также с Югом и Востоком. Север же оставался у нее в тылу, в некоем чулане, на задворках, в которых можно было иногда покопаться, поискать что-нибудь нужное, редкое и ценное. Но северный чулан не был точкой отсчета для ориентации и самоопределения российских элит. Он всегда был местом холодным, темным, спрятанным для западных и южных глаз, в нем хранились драгоценности. Их до поры до времени хранили. Потом при необходимости доставали, обменивали на дары, получаемые из Запада. Благо, эти драгоценности были несметны и не считаны.

Именно в связи с тем, что теплый, южный антропотип доминирует в современной цивилизации, начинает доминировать и указанный выше антропотренд ухода человека в целом. Человек-южанин не справляется с техникой, которую сам же и породил в погоне за комфортом и уютом. Он все более отдает свои функции, отдает самого себя внешним техническим устройствам (см. выше об аутсорсинге).

Запад-Юг выбирает комфорт, уют, технические блага и достижения. Западная цивилизация югоцентрична. Средиземноморская теплая колыбель Западной цивилизации не порождает желания смотреть на холодный и чужой север¹.

3. Номадизм как антропологический тип

Известно, что как раз северная цивилизация и формируется иным антропотипом, который можно назвать номадическим типом, типом кочевника. Этот номадический историко-антропологический и социокультурный тип формует собой и иную, северную цивилизацию, Северную Евразию.

Концепт «северная цивилизация» в последнее время становится все более популярным (см. литературу). Но он часто используется в сугубо политических и идеологических целях [см. 6]. При таких обсуждениях в принципе отсутствует антропологический дискурс и проблема антропологических трендов. Эта тематика начинает использоваться тогда, когда надо опять же завоевать место под солнцем и показать, что, например, Санкт-Петербург, северная Пальмира, может претендовать на статус мирового города [4].

Мы же пока ограничимся тем, что попытаемся понять номада-кочевника как иной антропологический тип, отличный от западно-южного и восточного типа. И это понимание попробуем использовать при ответе на вопрос о поиске антропологической альтернативы.

Если совсем грубо, то спросим себя – чему может научить современного западно-южно-ориентированного человека оленевод с Ямала? Или этот оленевод – тоже уходящая натура? И для умирающих северных народностей и языков тоже надо городить музей, в нем «за-

¹ Впрочем, не все так просто. Как показал М. К. Петров, в основании европейской цивилизационной модели был положен в свое время новый древнегреческий социокультурный код [см. 5]. Последний вырабатывался не кем иным, как пиратами Эгейского моря. Именно пираты и торговцы, плавающие по Средиземноморью во времена крито-микенской цивилизации на корабле, были первыми представителями новой цивилизации и носителями нового кода. Новое палубное управленческое мышление (отсюда – фигура кормчего, кибернетеса) отработывалось на корабле. Купцы и пираты были сильнее и эффективнее сухопутных жрецов, держателей старой храмовой традиции. В итоге пираты потом сошли на берег и основали города-колонии, ставшие каркасом древне-греческой цивилизации. А в основании было всего-навсего движение на пентеконтере, 50-тивесельном корабле. Тем самым пентеконтера, выражаясь на языке форсайта, стала той дикой картой, джокером, которая разрушила старый социокод и стала тренажером по выработке нового.

морозить» останки номадов, их культуры и позволять себе помнить о них в формате плохого музея: лежат, хранятся, к ним водят экскурсии, руками при этом не трогать. Гробовая тишина. Говорить можно только шепотом. Вечная мерзлота.

В то же время кочевничество как исторически выработанный антропологический и социокультурный тип как раз формирует иной тип цивилизации, северной цивилизации, которая характеризуется не только холодом и пространствами, но и устойчивостью, гибкостью, крепостью относительно климата и природных катаклизмов.

Движение, телесная физическая мобильность как способ жизни, передвижение в пространстве вместе с очагом, своим домом, выработало у кочевников особую устойчивость и крепость, адаптивность и приспособляемость к изменениям.

С этой точки зрения именно «антропология движения» [см. подр. 2] как способ жизнедеятельности лежит в основании северной цивилизации, становится ключевым признаком при поиске и формировании антропологической альтернативы, противостоящей тренду ухода западно-южного человека. Кочевники Северной Евразии, потомки которых живут сейчас в Сибири и на Севере России, могут продемонстрировать иной цивилизационный уклад, помогающий понять, что делать нам сегодня в ситуации радикальных трансформаций доминирующего до сих пор западного технического антропотипа.

Ж. Делез и Ф. Гваттари, яркие представители западно-южного типа, все же при построении машины войны выбрали именно номадический антропотип, как тип более стойкий и выносливый, вырабатывая тем самым свою номадологию [3]. Они фиксируют, что кочевник не просто движется. Он удерживает пространство, распределяется в пространстве. Оно всегда – его пространство. Кочевник обитает в пространстве, в котором отсутствует фиксированная граница. Точнее, кочевник живет внутри этой границы. А. Тойнби отмечал: «Они бросились в степь не для того, чтобы преодолеть ее границы, а чтобы укрепиться в ней и чувствовать себя там как дома» [3: 641, прим. 45].

Кочевник *живет внутри границы* и передвигается вместе с ней. Она – *его дом*. Кочевник сочетает в себе полную динамику (передвижение и пребывание в пространстве) и статику (сидит на коне). Он не просто осваивает пространство, он живет в нем.

Ведь южный антропотип выбрал аутсорсинг именно потому, что *оседлость тела сочетается у него с технической мобильностью ци-*

визации. Последняя дает ему возможность как бы перемещаться в пространстве, сидя в кресле автомобиля, в офисе, самолете.

А номад-кочевник *движется вместе с домом*, с процессами, массаами, природными катаклизмами. Куда идет природа, туда движется и номад. Он не отчужден от техники, кстати. Он сохраняет все дополнительные технические достижения и включает их в свой дом. Он сосредотачивает их в своем чуме, передвигаясь вместе с домом. Современный оленевод запрягает нарты к снегоходу, имеет мобильник и смотрит американский боевик по ТВ в чуме вечером после перерона.

Итак, жизнь в пространстве и передвижение вместе с ним формирует иной северный уклад, иную ментальность, особый номадический антропотип и социокультурный код.

При этом надо понимать, что этот код формируется не просто потому, что кочевником движет стремление к выживанию, погоня за убегающей пищей. Поиск пищи, движение за стадом, охота, поиск новых пастбищ, поиск ягеля вслед за своими оленями у оленеводов Ямала формируют лишь первый уровень мотивации кочевника.

Далее формируется в целом новый *номадический габитус* [см. 1], структура повседневности, сеть каждодневных антропопрактик, оседающих на человеке и формирующих его антропотип. Этот габитус и заключается в главном: жизнь в пространстве и передвижение внутри постоянно меняющейся, сдвигающейся границы.

Не жизнь, кстати, внутри пограничного города, на форпосте (в крепости-остроге) – что было характерно для служилого пограничного (фронтирного) сословия – казачества. Казаки – не кочевники. Они – охранители ставшей границы. Они живут на границе, но не передвигаются вместе с ней, охраняют доверенную им границу от степи. Кочевник же, перемещаясь в пространстве, перемещается со своим домом-границей. Кочевник становится сам номадом, т. е. носителем закона, обычая. Номад несет на себе свой обычай, свой закон, свое местопребывание. Тем самым номад, принимая весь мир как свое пространство, перемещает свой номос туда, куда перемещается он, не фиксируя жесткой границы, а пребывая в ней самой.

У кочевника нет города, полиса, страны с локальной границей и властью в ней. И соответственно нет границы, которая бы его огораживала от Иного Мира. Тем самым нет жесткой фиксации «свой – чужой», «мы – они». Весь мир есть его пространство обитания-передвижения. Потому что он движется по миру вместе с этим миром.

Тем самым восприятие кочевника как чужой, степной разрушительной силы – это старая идеологема. Вулкан тоже разрушитель. Также разрушительны наводнение, цунами, землетрясение. Но кто может сказать, что вулкан – злой агрессор? Он – воплощение живой стихии. Номад – тот, кто свыкся с ней, живет внутри этой стихии и меняется вместе с ней.

Эта старая аберрация сознания (отождествление степи, тундры и злой силы) могла произойти именно в голове западного человека, европейца, который и воспринимает степь и тундру как чужую слепую силу, и соответственно кочевников степи – воплощением этой силы. Южные теплые оседлые сообщества естественно воспринимали северных кочевников как захватчиков. Вместе с тем это не более чем идеологическая приставка задним числом. Впрочем, этот миф давно развенчан еще Л. Н. Гумилевым и другими.

4. Российское самоопределение и северный социокультурный код

А. В. Головнев отмечает, что на юге Евразии исторически преобладали оседлые цивилизации [2: 32]. На Севере долгое время развивались «культуры больших пространств и высокой мобильности. В древности вся северная Евразия была кочующей, населяющие ее народы никогда не были в полной мере оседлыми и различались лишь стилем и размахом миграций» [там же]. Концепт «пути» становился ядром жизни и способа существования. Путь становился основой становления государственности. Так жили и хунну, так жили монголы, так жили и варяги, ходившие с севера до Царьграда. Этот код оседал в языке, в котором путь, дом, государство имеют один культурный этимон.

Так вот. А. В. Головнев подчеркивает, что, несмотря на то, что Россия является северной страной, она исторически, как мы уже сказали выше, не осуществляла самоопределение на основе своей северной идентичности.

В мире доминировала конкуренция между западной, южной и восточной моделями. В последнее время обострилась ось запад-восток в силу обострения арабского фактора.

При этом «образ Севера как кладовой архаических традиций и природных ресурсов имел мало общего с политическими исканиями России на Западе, Востоке и Юге» [2: 33–34]. В то же время именно в северном социокультурном коде лежит корень новой антропологиче-

ской идентичности человека в целом. Одновременно в северной цивилизационной модели кроется и собственная идентичность России.

«Если Россия не активирует своего северного потенциала, ей на оси Север-Юг достанется место громоздкой периферии с хроническими техно-экологическими и этнокультурными кризисами» [2: 34]. Так исторически сложилось, что в этом поиске новой альтернативы для человечества именно Россия и призвана вырабатывать и быть инициатором новых северных проектов и нового антропотипа человека.

Поэтому задачей российского экспертного сообщества становится выработка продуманных проектных предложений по формированию антропологической альтернативы, противостоящей западно-южному тренду ухода человека, построенной, с одной стороны, на мощной социокультурной традиции северной цивилизации, с другой – на богатом историческом опыте выживания и развития в постоянном евразийском пограничье.

-
1. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
 2. Головнев А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН ; Волот: 2009.
 3. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
 4. Переслегин С. Б. «Северная цивилизация»: Санкт-Петербург на геополитической карте мира. 2002: сайт. URL: http://www.igstab.ru/materials/Pereslegin/Per_NordCiv.htm
 5. Петров М. К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1995.
 6. Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Идея северной цивилизации: онтологизация дискурса // Северный регион: наука, образование, культура: научный и культурно-просветительский журнал. Сургут, 2004. № 2. С. 11–17.
 7. Смирнов С. А. О смысле онтологической заботы/работы (комментарии на полях «Герменевтики субъекта» М. Фуко) // Фонарь Диогена. Проект синергичной антропологии в современном гуманитарном контексте / отв. ред. С. С. Хоружий. М.: Прогресс-Традиция, 2010.
 8. Смирнов С. А. и др. Новые идентичности человека. Анализ и прогноз антропологических трендов. Форсайт проект. Новосибирск, 2013.
 9. Фонарь Диогена. Проект синергичной антропологии в современном гуманитарном контексте. 2010 / отв. ред. С. С. Хоружий. М.: Прогресс-Традиция, 2010.